

ЕЛЕНА КАМБУРОВА: «ПЕТЬ, КАК ГОВОРИТЬ С ТОВАРИЩЕМ...»

Жизнь эстрадной «звезды», как правило, недолговечна. С калейдоскопической быстротой сменяются на эстрадных подмостках направления и стили, а вместе с ними уходят в тень некогда имевшие шумный успех группы и исполнители. И это, наверное, закономерно. Но тем больший интерес вызывают у нас те артисты, которые вопреки этой закономерности на протяжении многих лет остаются нам нужными. Сколько бы раз мы, зрители, ни встречались с ними, нам всегда интересно. Потому что здесь главное не то, как говорит артист, а с чем он к нам обращается.

Это в полной мере относится к творчеству заслуженной артистки РСФСР Елены Камбуровой. Эстрада для певицы не помост, освещенный рампой, а место для исповеди человеческой души. И в то же время она на эстраде, как трубач в боевом строю, играющий тревогу.

С чего же начался этот своеобразный, ни на что не похожий песенный мир Елены Камбуровой, в котором неразрывно слились поэзия, музыка и пластика? Где истоки той исповедальной чистоты и непримиримости к ханжеству, лицемерию, подлости, которые наполняют ее творчество подлинным гуманизмом?

— Когда поступила в эстрадно-цирковое училище, то имела довольно смутное представление о том, чем буду заниматься в будущем, — вспоминает певица. — Главное внимание тогда уделяла декламации. К вокалу вообще относилась довольно несерьезно. Просто не думала, что могу стать певицей. Да и сейчас, мне кажется, овладеть искусством вокала далеко не в полной мере. Да, занимаясь пением серьезно не собиралась. Но именно тогда, во время учебы, впервые услышала Новеллу Матвееву. Меня буквально покорили по-детски простодушные и в то же время удивительно мудрые ее песни. И ее голос. А точнее — все вместе, потому что в песнях Матвеевой и слова, и мелодия, и интонация — все это неразрывно, как мир. И кто скажет, что там главное, а что нет? И кем является Матвеева в своих песнях прежде всего: поэтом, композитором или исполнителем?

Да, с песен Н. Матвеевой все и началось. И сегодня в равной степени я включаю в свой репертуар произведения как профессиональных, так и самодельных авторов. Самое главное, чтобы то, о чем пою, волновало меня и моего слушателя.

— И все-таки, Елена Анатольевна, говоря о вашем творчестве, как мне кажется, нельзя не говорить о поэзии как таковой. Ведь она все же является первоосновой всех ваших песен. В вашем репертуаре целые циклы на стихи М. Цветаевой, В. Маяковского, Г. Поженина, П. Неруды, других поэтов. И выбор здесь, конечно же, не случаен.

— Мне трудно назвать какого-то одного или даже нескольких любимых поэтов. Например, песни на стихи Ю. Левитанского не так давно составляли чуть ли не целое отделение. А в нынешней программе только одна. Но это ни в коем случае не говорит о какой-то переоцен-

ке. Нет. Просто сегодня более актуальными мне кажутся другие. И вообще мои поэтические привязанности, как и чисто человеческие, со временем не изменяются. То, что я когда-то любила или ненавидела, я и сейчас люблю и ненавижу. Только в значительно большей степени. Ну и, конечно же, как со временем обретаешь новых друзей и врагов, так встречаешь и новые стихи. Сейчас вот читаю сборник африканской поэзии и поражаюсь ее мощному темпераменту, раскованности чувств и мысли.

— Сравнительно недавно в вашем репертуаре появились песни на стихи Владимира Маяковского. Мне кажется, это большая творческая удача. Удача тем более значительная, если учесть риск. Ведь до сих пор песен на стихи поэта почти не было.

И еще. Мы впервые услышали на последних концертах стихи альтинской школьницы Ники Турбиной. Оба цикла написал композитор Владимир Дашкевич. Как вошли эти разные произведения в ваш репертуар?

— Отношение к песням В. Дашкевича на стихи В. Маяковского и Ники Турбиной у меня, естественно, неоднозначное. Нику, познакомившись с ее стихами, я узнала лично. В этой девятилетней девочке живет огромный (без всяких поправок на возраст) мир. Мир этот, наполненный чувством и страстной мыслью, наверное, еще не выражен адекватно в стихах. Так не менее, он факт настоящей поэзии уже сегодня. И я пою их с огромной надеждой и верой в будущее Ники Турбиной.

Цикл песен же на стихи Владимира Маяковского я не решалась исполнять очень долго. Здесь, видимо, оказалась естественная робость перед гениальной поэзией, страх не дойти до ее глубин, оказаться поверхностным интерпретатором. И сейчас еще не все из произведений Дашкевича, написанных на стихи

Маяковского, я исполняю в концертах. А те из них, которые все же пою, чувствую, еще полностью не раскрыты мной. В них живут и вторая и третья даль. К ним надо идти.

— Несмотря на это, цикл на стихи Маяковского глубоко волнует уже сейчас. Такое впечатление, как будто он внес новизну не только в ваш репертуар, но и в саму манеру исполнения. Она стала более жесткой, драматичной.

— Возможно, вы правы. Но в то же время именно сейчас в моем исполнении звучат «Последняя любовь» на стихи Ф. Тютчева, «Не покидай меня, весна» Ю. Михайлова, «Театр» Ю. Туvinа. Сами песни эти наполнены таким глубоким лиризмом, что об их исполнении в прошлом я и не помышляла. Да и многие из тех произведений, которые пела раньше, теперь, мне кажется, звучат по-иному, а именно: лиричнее. Знаете, я вообще думаю, что главное все-таки не буквальное значение тех или иных слов, а интонация, с которой они произносятся. Даже доброго утра можно пожелать так, что после этого вам жить не захочется.

Да, все дело в интонации. Я не очень хорошо знаю французский язык, но могу часами слушать песни Жака Бреля. За его голосом для меня открывается огромный мир, наполненный любовью.

— Елена Анатольевна, во время концерта в Молодежном центре из зала ушли несколько зрителей. И тогда вы, в паузе между песнями, прямо обратились в зал с просьбой к тем, кто хочет уйти, сделать это сейчас, пока не продолжился концерт. Шаг этот вам показался мне честным и мужественным. Далеко не каждый артист,

по-моему, смог бы поступить так же.

— В самом начале моей работы на эстраде меня предупреждали, что путь, избранный мной, не из легких, что найти своего слушателя будет не просто, но в то же время необходимо. Иначе не только о каком-то успехе, но даже об элементарном контакте с аудиторией не может быть и речи. Тогда, не имея практически никакого опыта, я приняла эти замечания на веру, а, приняв, все же на свой страх и риск пошла по этому пути. Сейчас же я абсолютно убеждена в необходимости своего слушателя-единомышленника.

Конечно же, мне было нелегко напрямую обратиться к тем случайным на концерте людям, но еще тяжелее, поверьте, петь, зная, что тебя не слышат.

Но все же я убеждена, что если в зрительном зале находятся хотя бы три-четыре человека, которым песни мои нужны, значит, надо петь, отбросив все сомнения. Петь, как говорить с товарищами, о самом главном, что нас волнует. Без чего мы не можем жить.

...На этом интервью закончилось. Я не стал задавать последнего, логически вытекающего из нашего разговора вопроса о том, что волнует сегодня Е. Камбурову. Каждый раз, когда в зрительном зале гаснет свет и в напряженной тишине на подмостки выходит певица, она сама задает этот вопрос себе и нам: кто ты, Человек, чем утвердил имя свое?

Беседу вел
Е. ЛЮБИМОВ.

На снимке: заслуженная артистка РСФСР Е. Камбурова.

Фото В. Зотова.